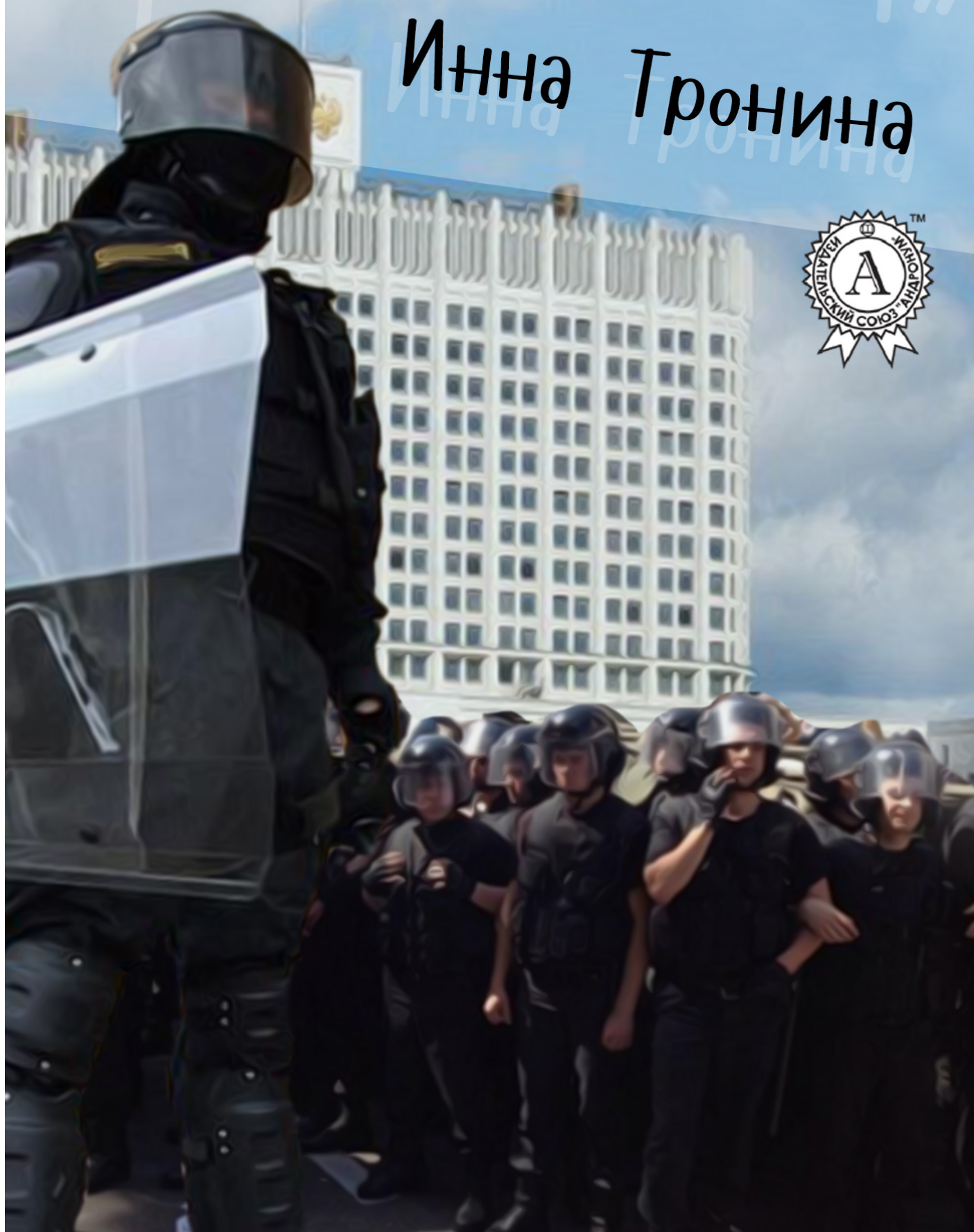

Время «Ч»

Инна Тренина

Инна Трoнина

Время «Ч»

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Тренина И.

Время «Ч» / И. Тренина — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Август 1991 года. В отдел борьбы с организованной преступностью через агентуру поступают сведения о предстоящей закупке несколькими бандгруппами большой партии оружия. Но незадолго до начала операции по захвату «товара» и сопровождающих его лиц, а также главного «торговца» - Дмитрия Стеличека, раскрыт и ликвидирован основной милицейский агент в среде бандитов, контролирующих городские рынки, - Алим Гюлиханов. Кроме того, узнав об утечке, покупатели оружия изменяют свои планы. «Антимафия» оказывается в полном неведении относительно планов противника. Долго и тщательно подготавливаемая операция оказывается под угрозой срыва. Чтобы спасти положение, лучший сотрудник отдела, капитан Андрей Озирский обращается к своей бывшей любовнице, ныне жене одного из «держателей» рынков – Арине Скресановой. Он просит молодую женщину заменить погибшего агента и помочь перехватить «караван» с оружием. Но за два дня до этого события в Москве происходит так называемый «августовский путч»...

© Тренина И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ГЛАВА 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Инна Тренина

Время «Ч»

ГЛАВА 1

Журбаев проехал Дворцовый мост. Слева от него жила обычной жизнью изрядно поблёкшая Дворцовая площадь. Там по-прежнему бродили и фотографировались туристы, шатались молодёжные хмельные компании, семенили интеллигентные старушки и катались на велосипедах визгливые дети. А его «Вольвочку» в общем потоке автомобилей, автобусов и троллейбусов несло на Адмиралтейский проспект, к Гороховой улице.

Альфред почему-то особо внимательно пригляделся к набитой битком «единице», которая, казалось, сейчас треснет – так много набилось внутрь народу. За стёклами троллейбуса виднелись страдальческие лица распаренных пассажиров, у которых медленно, но верно выдавливали кишки.

Журбаев откровенно порадовался за себя – один в салоне, ветровые стёкла опущены. Люк на потолке открыт. Хай лайф – ветерок, дым сигарет с ментолом, масса приятных перспектив на вечер. Да и кругом красота, пусть, конечно, и не Париж. Ничего, Бог даст, и по Парижу покатаемся – всё к тому и идёт в государстве. А пока ещё и Питер до конца не осмотрен. Вон, справа – фонтан, а за ним – Адмиралтейский шпиль, сверкающий даже несмотря на пасмурную погоду.

По утрам уже бывало прохладно, потому люди и одевались соответственно. А днём возвращалось лето. Приходилось ехать с работы, засунув кофту или свитер в пакет, в сумку, или просто повесив на локоть. Народ, конечно, был злой, нервный, проклинал жару в частности и жизнь вообще. Что же касается Альфреда Журбаева, то он был своей судьбой вполне доволен.

Впервые Тер-Микаэльянц послал его по важному делу к другому боссу. Такого взлёта в своей карьере Журбаев, честно говоря, не ожидал, и потому теперь старался не расплескать свою радость. Он гордился собой тихо, скромно. И в то же время чувствовал, что мучения простых смертных приятны ему. Они лишний раз убеждали Альфреда в том, что не такой уж он и дурак, каким казался в детстве. По крайней мере, в общественном транспорте не ездил уже лет пять.

Здесь, на Невском и в его окрестностях, иномарок было больше, чем отечественных «тачек», и потому лишняя «Вольвочка» не бросалась в глаза. Журбаев сделал левый поворот, следом за подержанной «Тойотой», которая везла в сторону улицы Гоголя вдрабадан пьяных парней и девиц. Все они были в тёмных очках и ярких туалетах – похоже, направлялись из одного ресторана в другой. Потом ненадолго привязался ЗИЛ, в кузове которого что-то грохотало и действовало на нервы.

Альфред постарался унять противный озноб; он покрепче сжал зубы, оглядел ЗИЛ в зеркальце, а потом посмотрел и на себя. С виду он – паинька, похожий на сынка зажиточных родителей – отсюда и «Вольвочка», и дорогой прикид, и запах французской туалетной воды. Никому до него нет дела – у всех полно своих забот.

Он уже запирал машину, когда мимо процокали каблучками три дамочки. Две из них прижимали к себе по охапке макарон-соломки, а третья громко ругала себя за то, что отоварила талоны пшеном. Альфред ещё раз порадовался, потому что о талонах он лишь слышал, но никогда их не видел. Потом захлопнул люк на крыше серебристого автомобиля и решительно вошёл в подъезд.

Из прохладного, вороватого мрака вышел парень в «варёнках» и ярко-жёлтой куртке. Он пристально взглянул из-под дымчатых очков на Журбаева и лениво спросил, скривив жирную харю:

- Куда?
- К Мите, – сразу же ответил Альфред – так наказал поступать сам хозяин.
- От кого? – так же противно гнусава, продолжал допрос «боров».
- От Ншана, – тихо, терпеливо отвечал Журбаев.

Ему стало не по себе, потому что от охранника подъезда явно пахнуло могилой. Нельзя сказать, что Альфред не видел в своей жизни душегубов, но этот был уж слишком страшный. Радости как не бывало – ещё замочит на всякий случай, да и бросил в подвал.

– Он сказал шефу, что будет ждать. – Альфред облизнул пересохшие губы.

– Он и ждёт, – пожёвывая резинку, процедил через губу амбал. Конечно, не очень-то приятно ему торчать на лестнице, когда разные «чурки» запросто приезжают к хозяину. – Пошли, фраерок. Предупреждаю – говорить по делу. Времени у шефа в обрез, самую суть только выкладывай. И не шуметь, понял? Дочка у него грудная.

– Понял. – Журбаев, конечно, фраером не был уже давно, но познаётся в сравнении. К примеру, он ещё ни разу не мочил, а этот... Дальше мысли спутались. И от страха, что не удастся кратко изложить Стеличеку суть просьбы Тер-Микаэльянца, внизу живота противно заныло, а по телу потёк холодный пот.

Телохранитель Инопланетянина позвонил в дверь квартиры на четвёртом этаже. Очень быстро им открыла кудрявая молодая женщина, даже, скорее, девушка – в джинсах и блестящей кофточке. Она была ярко, но красиво накрашена, весела и, похоже, не заносчива. Её карие глаза стреляли туда-сюда; блестящие губки сердечком раздвинулись, открыв белые зубы с расщелиной. На безымянном пальце правой руке Журбаев заметил обручальное кольцо с алмазной нарезкой.

– Приветик! – просто сказала девушка Журбаеву. – Это с рынка? – обратилась она уже к громиле.

Тот молча и почтительно кивнул.

– Иди, Толя, мы уж сами! – Девушка захлопнула за амбалом двери и снова открыто, приветливо улыбнулась Журбаеву. Похоже, ей «фраерок» пришёлся по душе. – Ты испугался, что ли? – Она рассеялась, играя ямочками на щеках, бусами, серьгами и браслетами. – Ну его – любит на себя напускать! Шестерня он, понял? Просто в парадном торчит, а форсу!.. Ну, это всегда так. Чем ниже должность, тем больше претензий. Тебя как звать?

– Альфред.

– А меня – Татьяна.

– А по батюшке? – осторожно спросил Журбаев.

– Вениаминовна. Да ты что, рано мне по батюшке – на девятнадцатом году жизни! Муж пока занят, так что подожди немного.

– Он мне назначил на шесть. Сейчас три минуты седьмого. Я прибыл вовремя, как договаривались. – Журбаев испугался, что ему поставят в вину слишком ранний визит.

– Я его потороплю. Заговорился, наверное, – сказала Татьяна.

Но в это время из-за ближайшей двери слышались звуки, происхождение которых Журбаев сначала не понял. Татьяна же, извинившись, опрометью бросилась в комнату. Оттуда она вскоре вернулась, но уже с маленьким розовым свёртком на руках. Свёрток пищал и шевелился – это оказалась та самая дочка.

– Вот, зараза! Я думала, она, наконец, заснула...

Ребёнок плакал тоненько, жалобно, несильно. Но и замолкать не собирался, сколько мать его ни укачивала.

– Только перестала орать, и снова... Горе моё!

– Хорошая у вас девочка, – решил польстить хозяйке Альфред.

– Да уж! Я из-за неё уже на ходу сплю, – проворчала Татьяна.

Но всё же она нежно коснулась губами лобика в синих жилках, прижала дочку к себе. У младенца были прозрачные голубые глаза, крохотный носишко и реденькие льняные волосёнки на макушке.

– Малышка совсем... – Альфред невольно улыбнулся. У него ещё не было своих детей. – Сколько ей?

– Она седьмого июля родилась. Второй месяц. Долго реветь будешь? Плешь уже проела! – Татьяна хотела прямо с ребёнком идти к Стеличке в кабинет, но Дмитрий вышел сам. Рядом с ним тащился пожилой эк, у которого не была зататуирована разве что физиономия.

Только сейчас Журбаев разглядел огромную роскошную прихожую с высоченными лепными потолками, гардеробом красного дерева, зеркалом в позолоченной раме. У стены Альфред увидел бархатный красный диванчик с кистями. Дубовый паркет на полу, как положено, скрипывал при каждом шаге. На фоне всего этого антикварного великолепия современный телефон выглядел бедно, тускло.

– О, Альфред! – воскликнул Стеличек, протягивая руку. – Я заставил тебя ждать? Извини – срочные дела навалились. Весь день в запарке.

– Да что вы, Дмитрий Янович, я всё понимаю, – поспешил продемонстрировать лояльность и покорность Журбаев.

Пожимая высочайшую длань, он невольно вытянулся по стойке «смирно», хотя годами был даже старше Стеличека. Инопланетянин сейчас был в тельняшке, флотских клёшах, и на его левом запястьи блестела массивная золотая цепь.

– Тань, твоя мать собиралась сегодня прийти? – Дмитрий взял у жены ребёнка и стал покачивать его на руках.

– Она сегодня не может. Хотела, чтобы я к ней...

– Вот и отлично!

Стеличек кивнул Журбаеву, чтобы тот прошёл в кабинет. Потом он сказал несколько слов переминающемуся с ноги на ногу эку и закрыл за ним дверь.

– Бери Боженку и поезжай. Петя тебя отвезёт.

– Да и сама могла бы... – возразила Татьяна. – Зачем его зря гонять?

– Так безопаснее, – мягко, но настойчиво произнёс Стеличек. – Переночуй там. И, если получится, поживи ещё два дня. Ребёнку будет спокойнее на другой квартире. Анастасии Дмитриевне от меня пламенный привет. Передашь?

– Конечно, Митя. – Татьяна поняла, что от неё просто хотят избавиться.

– Ну и всё. Позвони вечером, скажи, как там Боженка. Пока! – Он поцеловал жену и ушёл в кабинет.

Стеличек и Журбаев оказались в комнате с двумя выпуклыми окнами, выходящими на шумную Гороховую улицу. Альфреду раньше только по телевизору доводилось видеть музей-квартиры знаменитостей, а теперь ему посчастливилось попасть в одну из них.

Именно такое впечатление и производила эта огромная комната с кабинетным роялем, бюро, гарнитуром из ореха, хрустальной люстрой и широким персидским ковром, по которому нельзя было ходить в уличной обуви. На стенах висели портреты – седой дамы в чёрной шёлковой блузе с высоким воротом и бриллиантовой брошкой, а также – генерала царской армии.

Дмитрий сел в кресло спиной к портретам, а Журбаев – лицом. Поймав заинтересованный взгляд гостя, хозяин пояснил:

– Это – дед и бабка моей тёщи. Таня привезла, когда мы поженились. Теперь знатные предки в моде. Жаль, что изображения моего прадеда не сохранились – после расстрела всё в ЧК забрали. Так что велел передать Ншан? – перешёл к делу Дмитрий. – Курить хочешь?

– Не откажусь. – Журбаев взял из протянутого портсигара «а-ля Воланд» красивую, кофейную с золотым обрезом, сигарету.

Дмитрий протянул кулак с зажигалкой и высек синеватый язычок пламени. Сам он тоже жадно затянулся, а потом выпустил дым из ноздрей.

– Ншан хочет купить у вас стволы, патроны. Да, ещё он хотел бы приобрести несколько раций и «жучков», если есть такая возможность. Без них мы пропадём – так сказал шеф.

– Интересно! – Стеличек закинул ногу на ногу. – Разве у Ншана до сих пор «жучков» не было? Как же вы вообще-то существовали?

– Раньше были, но ведь со временем требуются новые. Какие-то обнаруживает противник, другие морально устаревают, а то и просто выходят из строя...

– Держи на первое время! – Дмитрий встал, открыл сейф и вынул оттуда металлическую коробочку. – Он знает, как обращаться?

– Конечно, знает! – Журбаев был уверен во всеилии Тер-Микаэльянца. – Я слышал, что у него последний «жучок» сломался три недели назад.

– Я не случайно поспешил обеспечить вас прослушивающей аппаратурой. – Стеличек стряхнул пепел в пепельницу, сделанную в виде перламутровой раковины. – Дело в том, что я едва не погорел с тем приятелем, который был здесь перед тобой. Он лишь в последний момент спас партию товара, потому что не заметил «суку» в своём кругу. Я не желаю, чтобы по такой же причине провалилась сделка с Ншаном. Здесь ведь не пяток автоматов на кону стоит, верно?

– Да, хорошо бы штук тридцать-сорок, Дмитрий Янович, – осторожно сказал Журбаев и тоже сбил пепел. – Если можно, конечно.

– Как говорил профессор Воланд: «Мне ничего не трудно сделать». Я предполагаю, что, кроме автоматов, вам потребуются и пистолеты, гранаты, оптические винтовки, баллончики с газом. Само собой, патроны, взрывчатка, рации. Их не так-то просто ввозить сюда, и потому я не желаю терять товар по-глупому. Тому-то старику пришлось марьяну свою почикать, чтобы сохранить оружие. Агентша оказалась. Вот с тем, которого ты видел, двадцатитрехлетняя красавица спала! – Стеличек говорил совершенно спокойно, будто о самых обычных делах. – Сейчас пришёл ко мне каяться. Я предупредил, что, в случае чего, он вслед за подругой отправится. Думаю, и Ншан о моих условиях осведомлён.

– Дмитрий Янович, шеф ещё сказал, что нашей группе нужны автомобили...

– Сколько? – поднял брови Стеличек.

– По крайней мере, три. Милиция-то работает, и мы несём потери.

– Не можете на Кавказе приобрести?

– Перегон дорого стоит. Да и ассортимент там, по общему мнению, не ахти. Думаю, у шефа были свои резоны, раз он решил здесь закупать, – добавил Журбаев.

– Ну, ладно, решил так решил, – задумчиво произнёс Стеличек. – автомобили у меня в компетенции Кима, «жучки» и рации – у Додонова. Я с ними свяжусь, за отдельную плату – так и передай Ншану. Зато и товар будет – пальчики оближешь! И обязательно обрати его внимание на неременное условие нашей сделки... – Стеличек помолчал некоторое время, пытливо глядя в лицо Альфреда. – Он под свою жизнь должен гарантировать, что у вас нет ни «сук», ни «кратов». На дальних подступах всё должно быть чисто. Я имел родного и любимого дядю – теперь он в могиле. У меня были прекрасные друзья – ныне кто на небе, кто в зоне. Потеря по глупости, своей и чужой, на мой век хватит. Кроме того, теперь у меня есть семья, за которую я несу ответственность. У Додонова и Кима тоже семьи, как и у всех моих людей. Лучше бы Ншан выделил мне на время операции своих ребят – для охраны и прочих деликатных поручений. Передай ему это, Альфред. Если будут работать мои люди, получится астрономическая сумма. Почему бы не сэкономить, раз есть такая возможность? Ему же выгоднее...

– Передам, Дмитрий Янович. – Теперь Журбаев больше всего боялся хоть что-нибудь забыть.

– Пускай подберёт хороших водил – путь предстоит не близкий. Да ещё неизвестно, что в дороге произойдёт. Они ни при каких условиях не должны растеряться.

– Будет сделано! – с готовностью сказал Журбаев. Он сидел прямо, словно проглотил линейку.

– Пока я даю неделю, – продолжал Стелечек. – За это время Ншан обязан, если он не хочет осложнений, произвести ревизию своего личного состава. Именно с этой целью я дарю ему «жучок». Рации у есть у вас?

– Есть две – японская и наша. Мы же здесь недавно – не успели ещё обзавестись хозяйством, – пояснил Журбаев.

– Если не секрет, куда вам столько металлолома? – словно бы между прочим поинтересовался хозяин.

На улице, вроде бы, пошёл дождь. В нынешнем августе ливни были частыми, бурными, но короткими. А потом опять сияло солнце, отражаясь в глубоких лужах. На толстые стёкла эркера полетели капли, потом дождь застучал по подоконникам.

– Ншану сильно угрожают конкуренты. Он хочет чувствовать себя в безопасности. Ну, и ментовка, само собой, не прохлаждается. Я имею виду ту, что на Литейном...

– Это понятно. С другими-то вы всегда договоритесь, – понимающе кивнул Стелечек. – Значит, если Ншан примет мои условия, пусть лично мне позвонит и вкратце скажет – «да» или «нет». Если его всё устроит, я буду знать, что операция началась. У меня сейчас товар кондиционный, и его много. Так что вам повезло.

– А «узи» имеются у вас, Дмитрий Янович? – дрогнувшим голосом спросил Журбаев. – Шефу они позарез нужны.

– Дались вам эти «узи»! – с досадой произнёс Стелечек. – Будто другого ничего нет. Вот, например, французские автоматы, последней модели, чем плохи? Стоят там на вооружении полиции. Впрочем, пусть твой шеф сами решает. Мне-то всё равно, что везти.

– Я всё выполню, Дмитрий Янович! – в который уже раз пообещал Альфред.

В это время за окном сверкнула молния, а потом оглушительно грохнул гром.

– Ни фига себе! – похоже, даже Стелечека это удивило. – Видимо, прямо в дом попало – аж подпрыгнул. Итак, Альфред, предварительно мы договорились. Теперь пусть Ншан проверит своих людей и, если что, уберёт ненадёжных. Всё спросится с него – так и передай. Если по его вине погибнет хоть один мой парень, придётся дорого заплатить. Тебя это тоже касается.

– Естественно, – У Журбаева опять пересохло вот рту.

– Лично ты на каком рынке кантуешься? – Дмитрий взял со столика ожившую рацию, некоторое время слушал кого-то. Потом сказал: – Уведи их... Куда хочешь, только подальше. Твоё дело – лишь бы ушли. Всё, выполняй! – И положил рацию на круглый янтарный столик. – Ты, что ли, легавых притащил за собой?

– Я никого не заметил! – Альфред охрип от ужаса, замотал головой. А сам подумал, что всё могло быть – за всеми «тачками» не уследишь.

– Не заметил? – Дмитрий решил больше не пугать посредника. Тот мог со страху что-нибудь забыть, перепутать, действительно пропустить «хвост». – Впрочем, ещё не ясно, кто их приволок. Может, тот самый старик. Выходит, рано обрадовался – ещё не все концы обрубил. Надо к нему послать человечка... Так с какого же ты базара?

– С Торжковского. – Альфред облегчённо вздохнул. Кажется, пронесло, но всё же надо быть внимательнее.

– А-а, знаю, это у Чёрной речки. Сам никого не подозреваешь?

– Не берусь судить – дело-то очень серьёзное. – Журбаев даже поёжился. – Это пусть шеф шерудит рогами. А я – человек маленький. Что скажут, то и буду делать.

Стеличек поднялся, подошёл к эркеру, долго смотрел на улицу, где ливень уже начал стихать. Странно, но больше ни грома, ни молнии не было, и даже вдали не ворчал.

– Альфред, ты когда-нибудь выполнял серьёзные поручения? – спросил хозяин немного погоды.

– Выполнял, Дмитрий Янович. – Журбаев не совсем понимал, что Стеличек имеет в виду.

– Например? – Стеличека, похоже, почему-то интересовал этот вопрос.

– На днях завбазой пас, – припомнил Альфред, потому что особыми подвигами ещё не прославился, а солидно выглядеть очень хотелось.

– Какая база-то? – не понял Стеличек.

– Овощная, Приморская.

– И чего хотел?

– Чтобы товар в ангарах держали, не пускали в продажу. Сейчас такое время, что цены вниз идут, а мы терпим убытки.

– Сколько дал? – усмехнулся Стеличек.

– Двадцать пять кусков.

– Дёшево, однако, столковались. Молодец, Альфред. Вижу, умеешь вести переговоры. Или ты просто напомнил завбазой про семью и старых родителей?

– Да нет, я так не работаю. Взять на понт любой амбал может. А мы сперва всегда культурно разговариваем. Кому же «бабки» не нужны в наше время? Главное, поместить их правильно. Скоро бакс вверх пойдёт, как бамбук, и завбазой об этом знает. Ничего, в убытке не останется.

– Вы и властей не опасаетесь, я погляжу? – Дмитрий вернулся в своё кресло, задумчиво оглядел Альфреда. Тот не понимал, что именно означает этот взгляд, и опять насторожился.

– А власти тоже из живых людей состоят, – не показывая своего волнения, ответил гость.

– Резонно, – заметил Инопланетянин. – Ну, старайся дальше – тебе зачтётся. Уж я-то точно отмечу, если понравишься. Ну, вроде, на сегодня хватит. Я сказал всё, что хотел. Когда поедешь обратно, смотри в оба. Хаза твоя где?

– Я так сразу и не могу сказать... Короче, часто бываю в гостинице «Выборгская», а живу на Российском проспекте.

– Это где такой? – удивился Стеличек.

– Правый берег Невы, у речки Оккервиль.

– Баба у тебя там, что ли?

– Да... Надоедает в казённой обстановке. Хочется домашнего тепла.

– А сейчас куда направляешься?

– К Ншану. Я же должен передать всё то, что вы сказали.

– К Ншану сейчас не надо – слишком откровенно получится. Мой тебе совет... Если ты в гостинице законно живёшь, езжай лучше туда. Оглядись хорошенько, перебери в памяти все «тачки», что крутились около тебя. Проверь потом, нет ли какой-то из них на парковке у «Выборгской». Ншан где тебя ждёт?

– На площади Льва Толстого, в том доме, где аптека. В восемь я должен быть там.

– Придётся обождать со встречей. – Стеличек взглянул на часы. – Да, Альфред, заговорились мы с тобой! У меня сейчас будет новый гость, а Татьяна уехала. Развлечь его некому, придётся сразу впускать. – Стеличек поднялся, показывая, что аудиенция окончена. Вскочил и Журбаев – радостный, взволнованный и испуганный одновременно.

Дмитрий лично проводил его до дверей, немного постоял, закрыв глаза и прислонившись к стене затылком. Потом быстро прошёл обратно в комнату, взглянул в окно из-за шторы. Журбаев как раз открывал дверцу «Вольвочки», а вокруг всё блестело, искрилось, играло – после грозы выглянуло вечернее солнце. Потом Альфред сел за руль, повозился немного внутри и стал выезжать на Гороховую.

Стеличек проследил, не тронется ли следом другая машина, но всё было спокойно. Думая о том, как выходить на Кима и Додонова, он взял со столика рацию.

– Пятый, слышишь? Веди «Вольво» цвета «форель»... Видишь её? Докуда? До «Выборгской». Проверь, нет ли за ней «хвоста». Что заметишь, сразу докладывай мне. Ясно? Всё, давай, жми. Если вдруг повернёт не к «Выборгской», встретится с кем-то в пути отзовишься тоже. Ну, с Богом!

Дмитрий раз взглянул на часы, подсчитал, что до прихода нового гостя остаётся три минуты. Но он не торопился, а лениво наблюдал за синим «Фиатом», который поехал следом за «Вольво» Журбаева. Заодно подумал, что, если Альфред сейчас заметит слежку, из него выйдет толк.

Потом он сел на диван из ореха, с обивкой, затканной розами и положил под локоть тугую подушку китайского шёлка с кистями. Подумал, что надо бы сварить кофе, но сразу же решил не утруждаться. Через час, после ухода последнего визитёра, Дмитрий должен был ехать в ресторан гостиницы «Прибалтийская» на встречу с одним из поставщиков, сулившую выгодные контракты.

На этого иностранного господина требовалось произвести наилучшее впечатление, чтобы товар не перехватили другие. Там как раз и можно было поужинать после трудов праведных. Все концы приводных ремней, обеспечивающих безотказную работу звеньев группировки, Стеличек держал в своих руках. Благодаря суперсовременной рации он постоянно был на связи и, в случае чего, мгновенно разруливал ситуации, решал вопросы. Он надеялся, что и сейчас поставщик всё поймёт и не осудит, если партнёру придётся отвлекаться на разговоры с подчинёнными.

Передышка закончилась, и Стеличек легко встал с дивана. Ни от одного из агентов сигналов пока не поступало. Он знал, что Татьяна приготовила ему шикарный костюм, все аксессуары к нему, и из-за этого можно не париться. А пока он останется в тельняшке и клёшах, как уже привык, и подумает над предложением, которое передал Журбаев.

Сделка с «базарными» сулила большую прибыль, и потому их нужно было удержать. Впрочем, другого такого продавца Ншан Тер-Микаэльянц в Питере не найдёт. А в другом городе, включая Москву, просто нет этих возможностей. В столице, к тому же, работать опасно, граница далеко, ментов гораздо больше, чем тут. А о провинции и речи не идёт – там вообще нет никакого товара, одни железки едва ли не времён войны.

Ншан же предпочитает современные средства связи и вооружение, и деваться ему некуда. Впрочем, никогда нельзя себя переоценивать – это может дорого обойтись. Дмитрий всегда помнил, к чему привела покойного дядю его самоуверенность, и старался этих ошибок не повторять. Вопрос только в том, выделит ли Ншан своих людей на время подготовки и проведения операции. Если по-настоящему заинтересован, то должен пойти навстречу. Да, неплохо было бы без всяких помех, после возвращения из ресторана, связаться с базой в Выборге. Впрочем, впереди ещё целая неделя – успеется.

В дверь позвонили внезапно, хоть Стеличек этого и ждал. Он, не спеша, поднялся с дивана, причёсал перед зеркалом свои длинные волосы, тряхнул золотой цепью на запястье. На всякий случай проверил свой «кольт» – этот посетитель не вызывал у него особого доверия. Уже открывая дверь, он подумал, что перед поездкой в «Прибалтийскую» нужно позвонить Татьяне и теще, которая на днях должна была улететь на средиземноморский курорт. Этой зимой Анастасия Дмитриевна потеряла мужа, потому врачи наперебой советовали ей полегчить и расслабиться.

Опять лил дождь, хотя только что сияло солнце. В сплошной серой пелене падающей с неба воды надрывно звенели трамваи. Автомобили включили фары, но всё равно вместо ярких огней лишь мерцали желтоватые блики. Стеличек быстро подошёл к двери, глянул в «глазок»

и увидел нового гостя в сопровождении Толика – оба были мокрые насквозь, встрёпанные и злые. Рация так и молчала – значит, пока всё шло по плану.

* * *

В буйстве непогоды проглядывало что-то запредельное, ужасное, и Захар Горбовский даже поёжился. Он смотрел на тёмное небо, по которому быстро неслись похожие на дым тучи. То и дело их прошивали сверкающие голубые нитки молний, а после утробно рычал гром. Почему-то на сердце было тяжело, хотя никаких оснований для этого, на первый взгляд, не было.

Грех жаловаться – всё идёт, как надо, а он просто переутомился. Уже не помнил, когда спал всю ночь. То и дело вскакивал к телефону, постоянно был в полной готовности ехать туда, куда прикажут. Сегодня вечером надо окончательно спланировать операцию по перехвату оружия, которое на днях должны ввезти в город. Совершается сделка между Дмитрием Стеличеком и Ншаном Тер-Микаэльянцем, самым опасным из всех главарей рыночной мафии.

Вчера погиб основной конкурент армянина – чеченец Хаджиев. Эта смерть дала Тер-Микаэльянцу возможность сильно упрочить свою власть в городе. Всё случилось позавчера, на Приморском шоссе за Зеленогорском. Но больше всего Захара и его ребят потрясло то, что «авторитет» и два его телохранителя были расстреляны с вертолётá, как волки. «Мельницу» найти так и не удалось – по крайней мере, никто в преступлении не признавался. А свидетелей не было.

Грибники нашли три тела около прошивной из пулемёта иномарки. А потом, трясаясь от страха, вспомнили, что рано утром над шоссе вроде бы шумел вертолёт. Саше Минцу пришлось, употребив всё своё терпение и обаяние, по словечку выведывать у шокированных обывателей, как именно всё произошло и что лично им известно.

В самом начале августа тот же Тер-Микаэльянец разделался с местным соперником, терроризировавшим крестьян Северо-Западного региона – Александром Гуровым. Тот драл за возможность торговать своей продукцией на рынках такую дань, что легче было просто выбросить излишки на свалку. И это в тот момент, когда почти страна питалась по талонам и стояла в бесконечных очередях...

Горбовский никак не мог отойти от окна, смотрел на яростный, inferнальный ливень. Ураганным ветром струи относило в противоположную от «Большого Дома» сторону и швыряло на облупленные стены зданий напротив. Окна, судя по всему, уже с трудом выдерживали напор ветра и воды. Захар даже удивился, что там пока не выдавило ещё ни одного стекла. Ужасающие раскаты грома заставляли подпрыгивать даже это мощное здание. Промежутки между ними становились всё короче, и грохотало небо с каждым разом сильнее. Захар почувствовал боль в висках, прикрыл раму и сел за свой стол.

Горбовский вспоминал сейчас последний разговор с Алимом Гюлихановым, коллегой из Владикавказа, которого специально командировали сюда с целью внедрения в группировку Ншана ещё полтора года назад. Пока, не сглазить бы, у Алима всё шло хорошо. Он был симпатичный, услужливый и сообразительный, а потому нравился главарю. Он также быстро вошёл в доверие к другим авторитетным «базарникам», и до сих пор вроде бы ничем себя перед ними не запятнал.

Здесь Гюлиханов работал под началом Горбовского, который дал ему указание не стеснять себя в средствах, если того потребует обстановка. Захар сильно рисковал, потому что Гюлиханова могли заставить, к примеру, исполнить какой-нибудь жуткий приговор, чтобы повязать его кровью. Алим, помня распоряжение Горбовского, может пойти на это, а потом угодить под суд.

Впрочем, пока, судя по всему, парню таких предложений не поступало. Алим за годы работы в милиции греха на душу не взял ни разу. Дай Бог, и тут проскочит – и без него убийцы найдутся. Правда, Тер-Микаэльянц объявил Гюлиханову, что сделает его своим телохранителем. «Повышение, однако!» – подумал Горбовский, соображая, как к этому относиться. Таким образом ведь можно потерять агента, а отказываться нельзя – враз навлечёшь подозрение.

Внедрение готовилось давно, и Алим сочинили легенду, которой поверили Ншан с присными. Гюлиханов приехал в прошлом феврале на Торжковский рынок с товаром – большой партией гранатов. С тех пор он даже в мыслях боялся вернуться к прежней жизни. Встречаться с Горбовским ему удавалось редко и ненадолго. Сейчас, на заключительном этапе операции, агент был напряжён до предела, хоть и не показывал этого.

В последний раз, когда глубокой ночью Горбовский подъехал на Ржевку, Алим ждал его в квартире Люды Масик, игравшей роль любовницы жгучего брюнета. Люда была их сотрудницей, старшим лейтенантом, но на Литейном практически не появлялась, чтобы иметь возможность изображать из себя обычную потаскушку.

– Захар Сысоич, нам с вами больше видаться не следует, – сразу же заявил Гюлиханов. – Вроде бы, всё спокойно, но нутром чую засаду. Надо подумать, как нам связаться, когда я выясню главное...

Тогда тоже была дождливая, уже кромешно-тёмная ночь, но без грозы. Капли монотонно стучали по подоконнику, навевая тоску и тревогу. Люда, закутавшись в радужную шаль, курила сигарету за сигаретой, и Захар видел, что тонкие пальцы её заметно дрожат.

Майор и его агент сидели за раскладным столом, на полированной поверхности которого белели кружевные салфетки. На одной из них – накрахмаленном ромбе – стояла пепельница из плавленного хрусталя. Тяжёлые, зелёные с серебристым рисунком, портьеры наглухо закрывали окно.

Горбовский, услышав слова Гюлиханова, не донёс спичку до сигареты:

– Что, чувствуешь неладное?

Гюлиханов пожал плечами:

– Я даже не могу сказать ничего конкретного. Просто в воздухе носится тревога. Может быть, вы скажете, будто у меня нервы шалют, Но складывается впечатление, что на агентуру вот-вот выйдут...

Захар боковым зрением увидел, что Люда вздрогнула, поспешно раздавила сигарету в другой, мельхиоровой пепельнице, и застыла, прислушиваясь к разговору. Часы отыграли четверть второго ночи. За окнами было темно, и казалось, что девятиэтажка летит в беспредельном космосе, а вокруг на миллиарды километров – ни души. Горбовский и сам в последние дни нервничал, беспокоился, а сейчас ощутил самый настоящий страх. Он прекрасно знал, что Алим зря поднимать панику не станет.

– Но твоё впечатление должно ведь быть на чём-то основано? – как можно спокойнее сказал майор. Он протянул руку и похлопал агента по плечу. – Доложи, что там у вас происходит, только поподробнее. Одна голова хорошо, как говорится, а две – лучше.

Алим тяжело вздохнул, искоса взглянул в испуганное лицо Люды. Губы девушки дрожали, глаза уже наполнились слезами. Ей было холодно – летом, в комнате, под складками тёплой шали.

– Захар Сысоич, Ншан много ждёт от этой сделки. В ней – вся его жизнь, понимаете? Он закупает так много оружия не только для того, чтобы получить перевес в Ленинграде. Здесь останется только часть этой партии, а остальной товар разъедется по стране. У Ншана прямо-таки наполеоновские планы. Он хочет стать главным по рынкам во всех крупных городах. И для этого ему нужно очень много «железа». Понимаете?

– Естественно, понимаю, – кивнул Горбовский.

– А-а! – Гюлиханов хотел ещё что-то сказать, но потом махнул рукой. – Вы уж извините, что я волнуюсь. Правда, волнуюсь, потому что перед такими событиями, как правило, вновь и вновь поверяют людей на надёжность. К тому же, Стеличек ультимативно потребовал этого от Ншана. Деньги деньгами, но Дмитрий хочет быть спокойным и за товар, и за людей. Ншан велел Зурабу Сакварелидзе прошерстить всю компанию туда-сюда столько раз, сколько нужно... Они подозревают, что хотя бы один агент в банде работает. Пацаны меж собой говорили, а я слышал.

– И как Зураб будет вас проверять? – побледнел Горбовский. Имя лучшего друга главара и одновременно начальника его службы безопасности было хорошо известно на Литейном – понятно, не с лучшей стороны..

– Не знаю! В том-то и дело, что не знаю. И в этом – вся проблема. Он – верняк Ншана, ради него на всё пойдёт. Зураба у нас боятся даже больше, чем самого пахана. С него станется и «химию» применять – тогда над собой контроль стопроцентно потеряешь...

– Что же ты не сказал об этом раньше? – Горбовский расстегнул клетчатый серый пиджак, до предела ослабил узел галстука. Кончики его пальцев стало покалывать, а у солнечного сплетения заворочался тяжелый, горячий камень.

– Я же не старик Хоттабыч! Ну, не знал, не знал! Ншан при мне говорил только о том, что собирается приобрести оружие, боеприпасы и рации. Я считал, что остаётся немного – узнать время «Ч». Оно должно быть назначено вот-вот, но Ншан с Зурабом всё тянут. Как говорится, последний бой – он трудный самый. Я почти не отходил от Ншана – разумеется, старался не вызвать подозрений. Но пока с этим тихо...

– Значит, время «Ч» пока не определено?

– Пока нет. И ещё не известно, откуда повезут партию, и куда. Мне удалось приблизительно узнать, какой это будет транспорт...

– Какой? – быстро перебил Захар.

– Два муковоза. – Алим достал носовой платок и вытер вспотевшее лицо. – Такой вариант предложил Зураб.

– Муковозы? – в один голос спросили Захар и Люда.

– Почему-то так. Зураб считает, что это – отличная маскировка. Ншан с ним согласился, приказал – а это у нас закон.

– Алим, а откуда стало известно, что Стеличек потребовал именно таких гарантий безопасности?

– Мне рассказал Альфред Журбаев, «шестёрка» Ншана. Он первым вёл переговоры с Инопланетянином. И тот ему лично сказал, чтобы передал пахану. Журбаев и теперь из кожи вот лезет, чтобы на него не подумали...

– Чёрт, ты же не можешь сейчас лечь на дно! – Захар, чтобы немного разрядиться, ударил кулаком правой руки в раскрытую ладонь левой. – Ситуация сильно осложняется, и нам всем надо будет ходить, как по канату. Вправо-влево наклон – упадёшь, пропадёшь. Тебя это касается в первую очередь, Алим, что думаешь делать? Паханы знают, что ты в курсе?

– Не думаю. Альфред умолял меня никому не говорить. Он верит мне безоговорочно и сам всего боится.

– Ты как думаешь – действительно верит или словить тебя хочет?

– Мне кажется, что верит, Захар Сысоевич, – немного поразмыслив, подтвердил Алим. – Он мне говорил, что, когда ехал от Стеличека, за ним увязался синий «Фиат». Он сообщил об этом Ншану, но тот пропустил мимо ушей. И никаких отголосков потом, понимаете?

– Мне это всё очень не нравится, – согласился Горбовский. – Кто его вёл? У нас нет синего «Фиата». Алим. Скорее всего, свои не очень-то парню доверяют. Либо сам Ншан, либо Стеличек. Проверяли, нет за ним «хвоста», и не агент ли сам Журбаев. В тот день, когда он посещал квартиру Инопланетянина, был убит один из клиентов последнего, рецидивист Кирсанов. За ним наблюдали на уровне района. Даже, вроде, прилепили какую-то шлюшку. Кирсанов её

прирезал, как овцу, ножом по горлу. Но Стеличку этого показалось недостаточно, и Кирсанова убили – вместе с двумя друзьями. Их, по-моему, Стеличек сначала принял за наших, попытался увести от Гороховой. Крутились-крутились по северу города, и где-то в самом конце проспекта Культуры их «сделали». Так что ребята это серьёзные, и расслабляться нельзя ни на минуту. Давай подумаем, Алим, что предпринять, когда ты получишь новые сведения. – И Захар выжидательно посмотрел на агента.

– Я точно говорю, что встречаться мы уже не сможем, – настойчиво повторил Гюлиханов. – Может быть, с кем-то из ваших людей, и то вряд ли...

– Алим, тебе известно, кто поведёт муковозы? – Захар покосился на Люду, которая сидела, как изваяние. Казалось, она даже не дышала, и лишь поблёскивала большими светлыми глазами. Почти бесцветные волосы струями сбегали ей на плечи, на спину.

– Первый – Назар Жунда, второй – Зураб Сакварелидзе...

– Жунда – твой связной? – уточнил Горбовский.

– Ну, вроде... Его можно будет использовать на всю катушку при захвате, уже в самый последний момент. Мне кажется, что Жунда вне подозрений. Его и за человека-то не считают. Так, придаток к машине – водила хороший...

Майор прищурился, словно о чём-то вспоминая.

– Его точно не подозревают? У вас же сейчас, говоришь, поголовный шмон. А он ведь, судя по всему, пахану не родственник и не свойственник.

– Я же говорю – он около главных не отирается, сам ничего узнать не может. Единственный его источник – я сам. Шмон, в основном, идёт среди тех, кто допущен ко всяким секретам, а Жунда в это число не входит.

– Ох, Алим, боюсь я, что они тебя проверят! – вырвалось у Захара. – Свалил бы ты оттуда, если бы мы уже время знали!

– Роскошно слишком, Захар Сысоевич, – грустно сказал Гюлиханов. – Время всегда определяется в последнюю очередь. И без согласования с Митей Ншан этот час не назначит. Всю степень опасности я понимаю, но уйти сейчас не могу.

– А когда встретятся Стеличек с Ншаном, ты знаешь? – Горбовский пытался что-нибудь придумать, но не мог. Расклад был таков, что никаких вариантов больше не оставалось.

– Нет, не знаю, честное слово! Молчат, как убитые, – махнул рукой Алим.

– А почему Сакварелидзе за баранку садится? Он же – второй человек в группировке.

– Именно потому, что Ншан уверен в нём на сто процентов, Зураб поведёт основную машину.

– В каком смысле основную?

– Ту, в которой будет большая часть товара, – пояснил Алим. – Если первую проверят и ничего особенно не обнаружат, вторую или вообще не станут досматривать, или сделают это наскоро. Такой у моих боссов расчёт...

– Расчёт верный. – Захар снова закурил. – Значит, пока больше ничего сказать не можешь? Я слышал, что Сакварелидзе – человек без слабостей.

– Это верно, – согласился Алим, прикрыв ладонью половину лица. – Уязвимых мест у него нет.

– К тому же, он хороший водила? – зачем-то спросил Захар.

– Отличный! Он же – бывший автогонщик. Да и мой Жунда – шофёр первого класса. Ншан кого попало на такое дело не пошлёт.

– А Назар этот знает, на кого ты работаешь? – спохватился Горбовский.

– Ну, если только догадывается. Скорее всего, он считает меня человеком Хаджиева. Это – основной конкурент и враг Ншана.

– Вот оно как, значит! – тяжело вздохнул Захар и повернулся к Людмиле. – Иди, отдохни. Авось, в окно никто не влетит.

– Я не устала, товарищ майор, – тихо сказала она.

– Дивчинка, та хибя ж я не бачу? – Горбовский поднял её за плечи, повернул лицом к себе. – Та очи б мои не дивились, яка ты хмарна... – Напомнив, таким образом, Люде о её украинских корнях, майор перешёл на русский. – Иди, прошу тебя. Нужна будешь – позову. От твоих страданий толку мало, да ещё нас напрягаешь. Слушайся приказу, Людмила!

Закрыв за ней дверь в смежную комнату, Горбовский снова сел за стол. Он одновременно был и возбуждённый, и усталый, что ещё больше действовало на нервы.

– Путь предстоит дальний, Алим?

– Скорее всего, да. Ншан как-то обронил, что ехать нужно будет через весь город. Только откуда и куда – я не знаю. И даже не предполагаю.

– А вот это – самое главное! Время и место – соль всей операции.

– Если бы я мог ответить на этот вопрос сейчас, считал бв свою миссию выполненной! – Гюлиханов вдруг вцепился пальцами в свои смоляные волосы и дёрнул их так, что они затрепщали. – Можно лишь предполагать, что начальным и конечным пунктами станут две железно-дорожные станции, и всё. Больше ничего я не могу сообщить.

Гюлиханов встал и, чтобы унять волнение, принялся расхаживать по комнате. Майор сидел неподвижно, глядя куда-то в тёмный угол, где поблёскивал полировкой шкаф.

Из-за двери выглянула Люда:

– Захар Сысоич, мне всё равно не заснуть. Можно вернуться?

– Возвращайся. Ведь не отцепишься! – махнул рукой Горбовский. – Алим, они ведь собираются, как ты говоришь, ещё и машины закупать?

– Да, пять иномарок. Каких – не знаю, – тусклым голосом ответил агент. – Ими занимается Валериант Ким, кличка – Ниндзя.

– А не Додонов? – удивился майор.

– Здесь Додонов – только посредник. Он даст знать Киму, который постоянно живёт во Владивостоке. Тот прибудет в Ленинград к началу операции по переброске товара.

– Ниндзя? Знаю такого, – оживился Захар и внимательно посмотрел на огонёк своей сигареты. – Без его ведома ни одна японская машина не попадает на нашу территорию. С каждой Ниндзя имеет неплохую прибыль. Сам ездит в лимузине марки «Ниссан-300-ZX». Значит, автомобили из Японии. Круг поиска сужается.

– Да, но через Японию продаются не только их модели, – осторожно поправил Алим. – Кстати, насчёт Ниндзя... Он ведь имеет заявки на лидерство среди торговцев наркотиками. Его сводный брат прибрал к рукам эту отрасль в Приморье. Сейчас там запарка – конопля поспевает, да и мак тоже.

– Ещё с этой семейкой иметь дело! – недовольно проворчал Горбовский. – Навязались на нашу голову!.. Замучил я вас, ребятки. – Он оглядел осунувшиеся лица Алима и Людмилы. – Значит, больше сведений нет? Тогда езжай, сейчас придёт машина. – Захар посмотрел на свои часы. – Половина третьего.

– Опять мои удрали! Старые уже, как дерьмо мамонта. – Люда подошла к солидному сооружению в завитушках, открыла циферблат и стала крутить стрелки пальцем. Видно было, что ей необходимо чем-то заняться.

– Захар Сысоич, я думаю, что завтра Ншан должен встретиться со Стеличком и назвать время «Ч». По крайней мере, дату переброски.

– Хоть бы дату родили, и то дело! – Горбовский откинулся на спинку стула. Ноги у него затекли, спину начало ломить.

– Я не обещаю, конечно, но если представится хоть малейшая возможность, попытаюсь сориентировать вас по маршруту. Вы же знаете – я делаю всё, что только могу.

– Знаю, ты молодец! И дай Бог тебе удачи!

Захар осторожно выглянул из-за шторы во двор. При свете показавшейся из-за туч луны тускло блестел мокрый асфальт. Как раз в это время из-за угла, с Рябовского шоссе, завернула чёрная «Волга» с еле светящимися фарами и остановилась за кустом сирени.

– Иди, Алим, они уже там. – Горбовский взял руки Гюлиханова в свои. – Давай договоримся так... Если всё будет в порядке, и боссы обо всём договорятся, ты встретишься с моим человеком в «Висле», завтра, в шесть часов вечера. Он будет у стойки. Смотри на фотку. – Горбовский достал портрет Гагика Гамбаряна и показал Гюлиханову. Тот кивнул. – Ты встанешь рядом и что-нибудь закажешь. Он попросит закурить – якобы закончились сигареты. Ты дашь ему открытую пачку. Крайнюю левую сигарету в верхнем ряду обернёшь листком папиросной бумаги, на которой напишешь дату и час, а также, если удастся узнать, станции убытия и прибытия. Старайся писать убористо и в то же время понятно.

– Есть! – Гюлиханов через силу улыбнулся.

– После того, как этот парень заберёт у тебя сигарету, можешь уходить. Усёк? – Захар внимательно смотрел на Алима, который уже надевал куртку. – Это и будет концом твоей миссии. Далее действуй по известному тебе плану – уходи на конспиративную квартиру и пережди там шухер. Она будет под нашей охраной, так что бывших дружков можешь не опасаться. Да и вряд ли они найдут этот дом, если честно. А потом отправим тебя к семье – они давно там заждались.

– Договорились! – Алим даже немного повеселел. – Если сведений на тот момент не будет, я просто не появлюсь в «Висле». А ваш человек пусть подождёт до половины восьмого.

– Если, паче чаяния, почувствуешь, что туда ходить опасно, передай свои соображения через Люду. Слышишь, тебя касается! – Майор повернулся к девушке.

– Так точно! – по-военному ответила она.

– Всё, Алим, счастливо! – Горбовский крепко сжал руки Гюлиханова. – Ни пуха, ни пера.

– К чёрту! – Гюлиханов вдруг почувствовал резкую боль в сердце, словно его пырнули ножом.

Он страдальчески усмехнулся, словно уже всё знал заранее, пристально посмотрел на застывшую в дверях комнаты Людмилу и вышел.

* * *

Горбовский неожиданно почувствовал, что уже не один в кабинете, и поспешно обернулся. Разом ввалились двое – Гагик Гамбарян в джинсовом костюме и белых, в цветную полоску, кроссовках, и Саша Минц в мокром плаще. Зонт-автомат он держал в руке и поспешно приглаживал растрёпанные волосы. Все трое сегодня уже виделись, а потому не здоровались.

– Ну, чего у вас там? – Захар никак не мог прогнать воспоминания о ночной встрече с Гюлихановым, и потому посмотрел на своих ребят немного шальными глазами. – Гагик, выезжаешь?

– Люда звонила. Сказала, что Алим не может быть в «Висле»! – Гамбарян говорил горячо, взволнованно.

– У него нет сведений? – удивился Захар, пытаясь уверить самого себя в том, что причина может быть только эта.

– Нет. Он сказа, что опасно. Могут следить, – честно ответил Гамбарян.

– И что же он предложил? – Горбовский без сил опустился в своё кресло.

– Он хочет, чтобы я на углу Невского и Садовой подсел в белую «Таврию». Это должно быть в восемь часов. Я, конечно, согласился. У вас не будет возражений? – на всякий случай спросил Гагик.

– Конечно, иди! – Горбовский немного приободрился. – Значит, ему есть, что доложить.

– Люда говорит, тот имеются новости. – Гамбарян пожевал губами. Так он делал всегда, когда очень волновался.

Минц тем временем освободился от макинтоша и от зонтика. «Автомат» он раскрыл в уголке, а верхнюю одежду развесил на «плечиках». Потом уселся за стол для совещаний и стал смотреть в окно, на не стихающий ливень.

– Погодка как раз... Под неё покойники слятся. – Горбовский потёр пульсирующие виски пальцами. – Надо ехать – делать нечего. Номер машины Люда тебе сказала?

– Ну, конечно, сказала! – Гамбарян приплясывал на одном месте.

– И что ты должен сделать? Какой «маяк» поставить? – Майор тепло посмотрел на Минца, давая ему понять, что поговорят они после, наедине.

– Просто «проголосовать». Он же меня по фотке знает, – пояснил Гагик. – Ничего удивительного. В такой дождь можно ловить «колёса»...

– Тогда выполняй. Сейчас же и выходи, как раз в семь там окажешься. Обязательно захвати оружие – а что чёрт их знает...

– Есть! – Гамбарян помолчал и спросил: – Разрешите идти?

– Ступай. – Захар торопился, потому что видел – Минц хочет что-то ему сказать.

– Счастливо! – подал голос Саша. – Ни пуха тебе...

– К чёрту! – рявкнул Гагик уже из-за двери.

Сунув во внутренний карман куртки «макаров», Гамбарян взял свой зонт и направился к выходу. Он решил подъехать к месту предполагаемой встречи на каком-нибудь общественном транспорте, где «базарным» будет трудно вести наблюдение – особенно в сутолоке, при непогоде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.